

История сама по себе оказалась нехитрой, но у Ши Вэйчжоу имелся неоспоримый рассказчицкий талант — даже самый незамысловатый сюжет в его исполнении заиграл яркими красками.

Сколько Вэйчжоу себя помнил, за ним по пятам всегда ходили двое телохранителей. В раннем детстве он даже слова такого не знал, а потому послушно называл неразлучных спутников «дядями». Те, впрочем, дружелюбием не отличались: суровые, собранные, скупые на слова. Именитым охранникам поручили беречь мальчишку, едва пошедшего в начальную школу, — и вовсе не требовалось улыбаться ему, заискивать или отвечать на детские расспросы.

После множества безуспешных попыток завязать разговор шестилетний Вэйчжоу впервые смирился. Именно тогда до него дошло: молчание бьёт больно — едва ли не сильнее ругани. Взрослые казались ему невероятно жестокими. Но горше всего было то, что бабушка, любившая его больше всех на свете, сама вытолкнула внука во взрослый мир и захлопнула дверь, заставив справляться с одиночеством в одиночку.

Из-за маячивших за спиной телохранителей сверстники обходили его стороной. Пока другие дети, сбившись в стайки, с гиканьем носились по двору, качались на качелях и играли в прятки, он — в том самом возрасте, когда больше всего хочется завести друзей — лишь безучастно сидел в стороне, греясь на солнышке.

Мама как-то обмолвилась, что на острове Ванилла удивительно красивое море, и рассказала, как в семнадцать лет нашла секретный ход в отеле. Вэйчжоу тоже загорелся идеей увидеть море, но бабушка отрезала на корню: «Внешний мир таит слишком много опасностей». Она повторяла это постоянно.

Маленький Вэйчжоу был слаб перед лицом обстоятельств, зато владел искусством закатывать истерики в совершенстве. Он капризничал, катался по полу, ревел в три ручья — и бабушка, не выдержав натиска, в конце концов сдалась и повезла его к Бамбуковой реке.

В тот день, держась за бабушкину руку, он впервые увидел «море» из своих фантазий. Неужели мама в свои семнадцать смотрела на такую же гладь? Ему хотелось спросить, но язык так и не повернулся: бабушка терпеть не могла маму.

— Бамбуковая река огромная... Я тогда и впрямь решил, будто это океан, — произнёс он, глядя прямо в глаза Бянь Хэ. На губах его скользнула едва заметная, самоироничная усмешка.

Бянь Хэ всё это время молча стоял подле него, но при виде этой горькой улыбки у него сжалось сердце — дальше слушать стало невмоготу.

Вэйчжоу снова отвернулся к морю. Помолчав, он едва ощутимо задел плечом плечо Бянь Хэ и тихо заговорил:

— А вообще, мне повезло. Всё, что только можно от жизни получить, я уже изведal. Так что,

прыгни я только что с балкона, не пожалел бы ни о чём.

— Правда. Даже если завтра помру — никакой досады не останется, — повторил он.

В его голосе звучала такая твёрдая, безупречная уверенность, что Бянь Хэ невольно взглянул на его профиль. Впервые на лице Ши Вэйчжоу не читалось ровным счётом ничего: ни гнева, ни печали. Оно казалось чистым и безмятежным, будто нетронутый снег на горных вершинах.

— Тебе тоскливо? — спросил Бянь Хэ.

Вэйчжоу покачал головой:

— Нет. — Он сделал паузу и лишь спустя мгновение добавил: — Не то чтобы... Просто скучно.

Сложив руки на груди, он опустил взгляд на плитку балкона. В этой позе просквозила непривычная, щёмящая одинокость.

Бянь Хэ замер, смутно понимая, что надо бы подобрать какие-то нужные слова. Но утешать других он категорически не умел. Он мучительно перебирал варианты, и сочувственная фраза уже готова была слететь с губ, как Вэйчжоу капризно надул губы:

— Почему здесь балкон такой грязный?

— И впрямь пыльно, — поспешно подхватил Бянь Хэ, почувствовав неловкость.

— А ты? Видел море раньше? — переводя тему — то ли нарочно, то ли между делом, — спросил Вэйчжоу.

— Я родился у самого побережья, так что с малых лет его видел.

— Серьёзно? На самом берегу?

— Угу.

— И что потом?

— В смысле — «потом»?

Вэйчжоу одарил его разочарованным взглядом. На душе сделалось тоскливо: ну и сухарь! С таким закрутишь роман — со скуки помрёшь!

— Что ещё тебя интересует? — уточнил Бянь Хэ.

Вэйчжоу отвернулся и замолчал.

Бянь Хэ нахмурился: опять обиделся, что ли? Сдав позиции, он проговорил тоном побеждённого:

— Вообще-то дом был не совсем у воды. В детстве я каждую неделю ездил к морю на велосипеде и сидел там до самых сумерек.

Заметив, что Вэйчжоу тут же насторожил уши, он запнулся. Молодой человек, сохраняя наигранную холодность, покосился на него и небрежно спросил:

— И?

— Ездил несколько лет, а потом бросил.

— Почему? Разочаровался в море?

— Когда я был маленьким, мать уплыла на корабле. Я тогда глупый был, всё ждал её на берегу. А потом подрос и кое-что понял.

Бянь Хэ выложил эту тяжесть с такой небрежной лёгкостью, что Вэйчжоу на мгновение усомнился, не ослышался ли. Он изумлённо обернулся, но Бянь Хэ стоял всё с той же непроницаемой маской на лице, будто и не говорил ничего важного.

— Вот и перестал ездить, — ровным голосом добавил он.

Вэйчжоу заворожённо уставился на морскую гладь за окном. Внутри кольнуло странное чувство — он не мог объяснить, что именно изменилось, но Бянь Хэ вдруг стал казаться намного ближе.

Лишь спустя долгие годы до него дойдёт: Бянь Хэ тогда пытался его утешить. По-своему — неуклюже, неловко. Расковырял собственную рану, чтобы облегчить чужую боль.

Вот только тогда Вэйчжоу даже не догадывался, что и сам ходит с глубокой раной. Ему просто время от времени до судорог хотелось плакать — будто в горле застряла острая рыбья кость, которую ни проглотить, ни выплюнуть.

Сумерки сгущались, вдоль пляжа зажглись фонари. Только сейчас Вэйчжоу понял, сколь много времени они пробыли здесь. В непрветриваемой комнате без кондиционера становилось

душно: ладони, шея и виски покрылись мелкой испариной, бликовавшей в свете пробивавшихся сквозь стекло лучей.

— Пойдём отсюда, — тихо проронил Вэйчжоу, внезапно смутившись.

Бянь Хэ взглянул на часы:

— Лучше немного подождать. Господин Сюй говорил, что в шесть начнётся салют в твою честь.

Вэйчжоу моментально насупился и с нескрываемой обидой уставился на него. Бянь Хэ тут же заметил перемену и задался вопросом, не пришлось ли предложение молодому человеку не по душе.

— Или хочешь посмотреть на улице? — осторожно спросил он.

— Я же просил! Не называй его «господином Сюем»! — вспыхнул Вэйчжоу.

Бянь Хэ окончательно сбился с толку:

— А как мне его называть?

Вопрос поставил Вэйчжоу в тупик. Сам-то он звал Сюй Цзинмо просто по имени, а если требовалось проявить ласку или о чём-то попросить — Момо. Но позволить Бянь Хэ обращаться к Цзинмо по имени было бы неучтиво — они ведь толком не знакомы. А уж «Момо» — и подавно! Слишком интимно!

Чем больше Вэйчжоу об этом размышлял, тем сильнее закипал. Отвечать совершенно не хотелось!

— А меня ты как называешь? — перехватил он инициативу, пытаясь скрыть смущение.

Бянь Хэ замялся. По правилам следовало говорить «господин Ши», но скажи он это сейчас — капризный юноша точно выйдет из себя. Подняв взгляд, он честно признался:

— Не знаю.

Вэйчжоу фыркнул и ехидно поддел:

— И что ты за телохранитель такой? Даже не знаешь, как ко мне обращаться!

Бянь Хэ предпочёл промолчать, смиренно приняв упрёк.

Настроение Вэйчжоу мгновенно взлетело до небес. Сложив руки на груди, он победоносно оглядел спутника и снисходительно изрёк:

— Зови меня Сяо Чжоу.

— Что? — переспросил Бянь Хэ, не веря своим ушам.

— Я сказал: зови меня Сяо Чжоу! — чеканя каждое слово, громче повторил Вэйчжоу.

— Но...

Договорить он не успел: за окном грянули первые залпы, и ночное небо озарилось снопами золотых искр. На фоне этого грандиозного зрелища тесная комната казалась затонувшим на дне океана старым кораблём. Тысячи огненных вспышек отражались в воде, складываясь за стеклом в живописное, плавно движущееся полотно.

Вспышки салюта то озаряли сумрак помещения, то погружали его в тень. Бянь Хэ молча повернул голову. Световые сполохи скользили по лицу и фигуре Вэйчжоу. За окном переливался и искрился мир, похожий на пенящееся шампанское, где каждый огненный цветок распускался исключительно ради него, — однако на его лице застыло пренебрежительное выражение, с каким кошки обычно смотрят на проливной дождь.

Только теперь Бянь Хэ наконец разгадал этот взгляд: ни злобы, ни тоски — обыкновенная скука. Он снова поднял глаза на салют, и в короткий миг, когда очередной залп угас и комната вновь погрузилась в мягкий полумрак, тихо шепнул стоящему рядом юноше:

— С днём рождения.

Вэйчжоу резко обернулся, от изумления широко распахнув глаза:

— Что ты сказал?

Бянь Хэ встретил его взгляд и сквозь канонаду разрывов произнёс — неторопливо, отчётливо:

— С днём рождения, Сяо Чжоу.

В то же мгновение все огни небесного шоу словно вспыхнули прямо в глазах Ши Вэйчжоу. Прежняя апатия и скука рассеялись без следа, точно туман под порывом морского бриза, и взгляд его засиял чистым, искрящимся светом.

В темноте глаза Бянь Хэ лучились нежностью. Вэйчжоу смотрел на него не мигая; дрожали длинные ресницы, бешено колотилось сердце.

«Он правда любит меня!» — с ликующим восторгом подумал он.

<http://bllate.org/book/20405/2130910>